

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
МАРТЪ, 1907 Г.

ХИЩЕНИЕ БАШКИРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Изъ воспоминаній оренбургскаго старожила).

ВЪ 1866 ГОДУ ходили въ высшихъ военныхъ сферахъ упорные слухи, дошедшіе и до Оренбурга, что оренбургскимъ генераль-губернаторомъ будетъ назначенъ генераль-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ, оренбургскій дворянинъ и владѣлецъ богатаго имѣнія Ташла (находящагося въ разстояніи 100 верстъ отъ Оренбурга) и еще пяти или шести окрестныхъ деревень, составляющихъ въ общей сложности до 100 тысячъ десятинъ земли. Про знаменитое имѣніе Ташлу, лежащее въ самой живописной мѣстности Башкиріи, ходило легендарное преданіе, что всю эту землю приобрѣлъ себѣ отецъ А. Е. Тимашева, занимавшій постъ наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска, купившій эту землю у башкиръ очень дешево, а именно приобрѣтая десятину за 1 фунтъ дешеваго чая, или на деньги платя по 50—70 коп. за десятину въ вѣчное потомственное владѣніе. Случалось даже, что башкиры бились съ нимъ объ закладъ и отдавали ему бесплатно столько десятинъ земли, сколько онъ могъ обскákatъ безъ отдыха на своемъ любимомъ верховомъ конѣ.

При извѣстіи о назначеніи будто бы оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Александра Егоровича Тимашева оренбургское дворянство воспрянуло духомъ, надѣясь имѣть твердую опору въ лицѣ новаго генераль-губернатора въ поддержаніи своихъ владѣльческихъ интересовъ, такъ какъ въ Оренбургской губерніи крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, не хотѣли принимать надѣ-

ловъ и платить за нихъ выкупныхъ денегъ, потому что въ то время было еще много свободныхъ башкирскихъ земель, которыя крестьяне брали въ картомъ или въ аренду, платя башкирамъ по 20 коп. за пахотную десятину и по 10 коп. за луговую.

Но слуху о назначеніи А. Е. Тимашева оренбургскимъ генераль-губернаторомъ не суждено было осуществиться, и онъ вскорѣ занялъ болѣе значительный постъ и сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. На постъ оренбургскаго генераль-губернатора и командующаго войсками оренбургскаго военного округа былъ назначенъ весною того же 1866 года генераль-адъютантъ Николай Андреевичъ Крыжановскій. Любимецъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II, онъ выдвинулся какъ-то быстро и неожиданно. Пріѣздъ его въ Оренбургъ состоялся лѣтомъ того же 1866 года, причемъ онъ прибылъ одинъ и поселился на дачѣ въ рошѣ за рѣкою Ураломъ. Слухи ходили, что назначенію своему на постъ генераль-губернатора онъ обязанъ былъ дядѣ своему, генераль-адъютанту Александру Павловичу Безаку, получившему высшее назначеніе кievскаго генераль-губернатора и командующаго войсками кievскаго военного округа.

Н. А. Крыжановскій, артиллеристъ и офицеръ генеральнаго штаба, считался въ то время генераломъ изъ ученыхъ, т. е. получившимъ высшее военное образованіе, что заставляло предполагать, что съ его прибытіемъ народное образованіе поднимется значительно въ Оренбургскомъ краѣ; но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Н. А. Крыжановскаго занимали вопросы чисто военного характера и отчасти только идеи развитія и поднятія экономическихъ силъ обширнаго края и усиленіе его производительности посредствомъ устройства Оренбургской желѣзной дороги, которой суждено было ввести отдаленный Оренбургъ въ обширную семью русскихъ городовъ и приблизить его къ обѣимъ столицамъ, давая ему такимъ образомъ возможность сбывать свои продукты на заграничные рынки при помощи такихъ портовыхъ городовъ, какъ Рига и Либава.

Оренбургскій край, организаторомъ котораго являлся вновь назначенный въ него генераль-губернаторомъ Н. А. Крыжановскій состоялъ въ то время изъ губерній: Оренбургской, Уфимской, Самарской, изъ областей: Тургайской и Уральской со всѣми степными укрѣпленіями и кочевьями киргизовъ вплоть до города Перовска на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Это обширное пространство земель составило территорію въ 12.000 квадратныхъ миль, т. е. равную по своей площади территоріи Франціи до отдѣленія отъ нея Эльзаса и Лотарингіи. На всемъ обширномъ пространствѣ земель Оренбургскаго края обитатели его представляли собой самый разнохарактерный конгломератъ народностей, различающихся между собою не только племенными отличіями, религіей и языкомъ, но даже и законоположе-

ніями, которыми они управлялись. Такъ, напримѣръ, киргизы управлялись на особыхъ законныхъ началахъ, основанныхъ на ихъ обычаяхъ и родовыхъ началахъ; двухмилліонное населеніе башкиро-мещерякского войска представляло собою по своей административной организаціи нѣчто среднее между казаками и крестьянами. Башкирскіе попечители пользовались правами земскихъ начальниковъ, вѣдая башкирское хозяйство, а кантонные начальники, начальникъ штаба и командующій башкирскимъ войскомъ представляли собою военную власть. Башкиры при этомъ владѣли самыми лучшими земельными угодьями и лѣсными дачами, сплавляя лѣсъ по рѣкамъ Уралу и Сакмарѣ и снабжая такимъ образомъ Оренбургскую и Уфимскую губерніи дровами и строевымъ лѣсомъ. Оренбургскіе и уральскіе казаки тоже управлялись особыми законоположеніями, сохраняя и до настоящаго времени по своей внутренней организаціи особыя привилегіи по отношенію къ пользованію земельными угодьями и рыбными промыслами. Между тѣмъ въ 1866 году съ назначеніемъ въ Оренбургъ генераль-губернаторомъ Н. А. Крыжановскаго въ Средней Азіи началась агрессивная политика нашего военного министерства и сознавалась потребность и возможность присоединенія къ Россіи нѣкоторыхъ частей средне-азиатскихъ владѣній, а потому генераль-адъютантъ Крыжановскій, отложивъ до болѣе благоприятнаго времени ознакомленіе съ исторіей Оренбургскаго края и присущими ему потребностями, весь ушелъ въ военную политику, вообразивъ себѣ, что онъ призванъ самую судьбою къ роли завоевателя обширнаго новаго края на далекихъ восточныхъ окраинахъ. На поприщѣ полководца и воина Н. А. Крыжановскаго ожидало полное разочарованіе и вскорѣ даже совершенная неудача, такъ какъ на мѣсто его выдвинулись новыя молодыя силы, совершившія при иныхъ условіяхъ то, что посылось только въ воображеніи мнимаго героя. Проживая въ Оренбургѣ, за двѣ слишкомъ тысячи верстъ отъ Ташкента и Самарканда, какъ могъ Н. А. Крыжановскій знакомиться съ условіями жизни средне-азиатскихъ владѣній, ихъ населеніемъ, бытовыми условіями и тактикой и стратегіей азіатовъ и средствами ихъ обороны въ крѣпостяхъ на случай предпринятой нами противъ нихъ экспедиціи при помощи регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, сконцентрированныхъ въ фортахъ и укрѣпленіяхъ. Въ то время не было у насъ ни картъ, ни основанныхъ на точныхъ изслѣдованіяхъ описаній азиатскихъ земель. Рѣдкіе путешественники, проникавшіе въ Среднюю Азію, были по большей части иностранцы, преимущественно англичане, и сочиненія ихъ не были переведены на русскій языкъ, такъ что Средняя Азія была для насъ еще *terra incognita*, о которой ходили какія-то легендарныя преданія. Единственные люди, освѣдомленные о ней, были наши русскіе полуграмотные приказчики купцовъ: Ключарева, Дѣвыхъ, Мякинковыхъ и Оглодко-

выхъ и другихъ, ходившіе съ караванами ежегодно въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и Самаркандъ. Но люди эти, кромѣ своей торговли въ самомъ узкомъ смыслѣ, состоявшей только изъ мѣны нашего хлѣба, желѣза и морозовскихъ ситцевъ на азіатскій хлопъ, сухіе фрукты и халаты, не имѣли ровно никакого понятія о странѣ посѣщаемыхъ ими рынковъ и не могли дать никакого серьезнаго матеріала для ознакомленія съ этимъ обширнымъ краемъ.

Задавшись идеей создать изъ Оренбургскаго края намѣстничество, по примѣру Кавказа и Польши, генераль-адъютантъ Крыжановскій затѣялъ прежде всего огромную переписку съ военнымъ министерствомъ и, пользуясь громаднымъ довѣріемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II, проводилъ во всѣхъ своихъ представленіяхъ одну исключительную идею о необходимости централизаціи и усиленіи административной власти въ краѣ. Въ подтвержденіе этой идеи онъ приводилъ такіе факты, какъ неисправные платежи киргизами кибиточнаго сбора, на средства котораго содержались учебныя заведенія въ Оренбургскомъ краѣ, и открытое неповиновеніе властямъ киргизовъ, которые при требованіи уплаты кибиточнаго сбора стремились откочевать къ предѣламъ Хивинскаго ханства или даже далѣе, къ границамъ Китая, и даже по прошествіи года многіе аулы еще не приняли новаго положенія, становившагося для всѣхъ оренбургскихъ киргизовъ обязательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ среди киргизовъ оренбургскаго вѣдомства возникли волненія вслѣдствіе того, что генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій назначалъ вмѣсто природныхъ киргизовъ изъ султанскаго рода на мѣста уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ кавалерійскихъ офицеровъ изъ числа своихъ приближенныхъ, людей совершенно бездарныхъ и неспособныхъ, большею частью ротмистровъ, которыхъ нужно было произвести въ подполковники, чтобы дать имъ дальнѣйшій ходъ по службѣ. Люди эти были совершенно незнакомы съ бытовыми условіями и нарѣчіями киргизовъ и своими строгими и неумѣстными требованіями порождали частыя недоразумѣнія, которыя возбуждали киргизовъ къ неповиновенію предержащимъ властямъ. По полученіи генераль-губернаторомъ донесеній отъ уѣздныхъ начальниковъ о возмущеніи нѣкоторыхъ киргизскихъ ауловъ Н. А. Крыжановскій тотчасъ же посылалъ въ степь для усмиренія ихъ небольшія команды отъ линейныхъ и стрѣлковыхъ частей и тотчасъ же телеграфировалъ объ этомъ военному министру, раздувая до невѣроятности самое ничтожное происшествіе.

Такъ же точно искусственной агитаціей возникли и волненія среди уральскихъ казаковъ. Н. А. Крыжановскій, совершенно незнакомый съ бытовыми условіями уральцевъ и въ особенности съ ихъ религіозными воззрѣніями, представилъ въ военное министерство проектъ объ измѣненіи порядка отправленія службы уральскими

казаками. Согласно этого новаго положенія казаки обязаны были по прочтеніи этого новаго регламента скрѣпить его подписями съ приложеніемъ печатей. Между тѣмъ среди уральскихъ казаковъ не только въ тѣ времена, но и до сихъ поръ очень мало православныхъ. Большинство уральцевъ принадлежитъ къ раскольничьему вѣроученію австрійскаго толка и въ особенности къ сектѣ безпоповцевъ. Въ силу раскольничьихъ вѣрованій приложеніе печати есть фактъ антирелигіозный, такъ какъ онъ знаменуетъ собою поклоненіе дьяволу и печати антихриста. Понятно, что старъ и младъ взволновались, а старики прямо-таки отказались отъ приложенія подписи и печати—знаменія антихриста, предпочитая лютую смерть этому позорному дѣянію. Такимъ неумѣлымъ распоряженіемъ былъ возбужденъ религіозный фанатизмъ въ особенности коренныхъ низовыхъ казаковъ, которые открыто возмутились и повліяли, въ свою очередь, на всѣхъ станичниковъ. Въмѣсто кроткихъ увѣщаній генераль-губернаторъ Крыжановскій пустилъ сразу въ ходъ крутыя мѣры. Испробовавъ неуспѣшно арестованіе мнимыхъ мятежниковъ и тѣлесныя наказанія надъ казаками всѣхъ возрастовъ, онъ сталъ ссылатъ непокорныхъ уральскихъ казаковъ на берега Сыръ-Дарьи, гдѣ эти поселенцы образовали изъ себя большіе поселки и станицы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и гдѣ они близъ Казалинска завели обширные рыбные промыслы. Въ настоящее время казалинская икра и красная рыба начинаютъ конкурировать съ уральскими и астраханскими рыбными промыслами. Только недостатокъ хорошей соли мѣшаетъ усовершенствованію казалинскихъ рыбныхъ промысловъ. Но прежде, чѣмъ казаки прижились на этихъ мѣстахъ и обосновались на нихъ прочно, они подверглись на мѣстахъ своихъ новыхъ поселеній лишеніямъ, разоренію, болѣзнямъ и вымиранію и только поѣздка въ Петербургъ природнаго уральскаго казака генерала Гизянова выяснила, къ несчастью слишкомъ поздно, мотивы печальныхъ недоразумѣній, создавшихъ это искусственное возмущеніе. Стѣдую неуклонно своей военной политикѣ, Н. А. Крыжановскій успѣлъ вскорѣ провести въ высшихъ военныхъ сферахъ Петербурга идею необходимости завоеванія Хивинскаго ханства, которое давало вѣрное приѣжище непокорнымъ киргизамъ, откочевывавшимъ къ хивинскимъ предѣламъ, когда наступало время поступленія съ нихъ кибиточнаго сбора. Результатомъ этой агрессивной политики былъ хивинскій походъ 1871 года, предпринятый весною подъ командою генераль-лейтенанта Веревкина. Въ этомъ походѣ приняли участіе стрѣлковые и линейные батальоны оренбургскаго военного округа, а также казачья артиллерія и оренбургскіе казаки. Раннею весною войска эти выступили изъ Оренбурга въ самое благопріятное время года, и походъ этотъ не представлялъ собою никакихъ военныхъ трудностей. Да и самое Хивинское ханство, государство мирное и тор-

говое, не имѣвшее почти войска, защищалось только въ силу принципа самообороны, такъ какъ солдаты его не имѣли не только настоящей военной организаціи, но даже вооруженія, стрѣляя изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ ружей, которые устанавливались на подставкахъ, и, конечно, хивинцы потерпѣли пораженіе и наши войска послѣ небольшихъ стычекъ приступили къ штурму крѣпости и вошли побѣдоносно въ Хиву, а всѣ участники этого похода были щедро награждены орденами и не въ зачетъ выданными имъ окладами жалованья. Хивинскій ханъ въ качествѣ заложника былъ отосланъ на жительство въ Оренбургъ, изъ котораго впослѣдствіи бѣжалъ и пропалъ безслѣдно. Хотя Хивинское ханство и не вошло въ то время въ составъ русской территоріи, но надъ нимъ былъ учрежденъ протекторатъ, дававшій Россіи всѣ права по внутренней и внѣшней организаціи этого ханства.

Во время этихъ событій въ составѣ офицеровъ генеральнаго штаба находился въ числѣ прочихъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, бывшій уже въ чинѣ полковника. Онъ не поладилъ съ Н. А. Крыжановскимъ, который аттестовалъ его какъ малоспособнаго офицера и наконецъ откомандировалъ его въ Петербургъ въ главный штабъ, ссылаясь на то, что ему онъ не нуженъ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ М. Г. получилъ секретное порученіе по изслѣдованію внутренняго положенія средне-азиатскихъ областей. Изучивъ хорошо киргизскія нарѣчія, языкъ сартовъ и бухарцевъ, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ вскорѣ по прибытіи своемъ въ Среднюю Азію, имѣя при себѣ очень незначительное войско, состоявшее изъ оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ при нѣсколькихъ орудіяхъ и небольшихъ отрядахъ пѣхоты, позаимствованныхъ изъ ближайшихъ фортовъ, сумѣлъ заставить азіатовъ уважать силу русскаго оружія и престижъ царской власти. Снискавъ мало-по-малу дружбу аксакаловъ (губернаторовъ степныхъ областей), старшинъ и многихъ вліятельныхъ лицъ, онъ убѣдилъ ихъ всячески, что жестокость ихъ законовъ часто лишаетъ ихъ подданныхъ возможности заниматься мирнымъ трудомъ и что даже имущество и жизнь могутъ быть у нихъ отняты путемъ насилія. Такимъ нравственнымъ вліяніемъ онъ подготовилъ благоприятную почву для нашей агрессивной политики. Результатомъ явилось въ 1867 году завоеваніе безъ большого труда Ташкента. Громкіе успѣхи генерала М. Г. Черняева нанесли страшный ударъ самолюбію Н. А. Крыжановскаго. Постѣдній, желая, въ свою очередь, принять активное участіе въ покореніи новаго края, организовалъ также экспедицію изъ Оренбурга, ставъ лично во главѣ ея. Но жалкіе трофеи достались на долю Н. А. Крыжановскаго. Ему удалось только взять жалкую крѣпостцу Ура-Тюбе, которая не особенно упорно защищалась и при взятіи которой едва не погибъ гражданскій чиновникъ статскій совѣтникъ Николай Ми-

хайловичъ Бекчуринъ, сопровождавшій Н. А. Крыжановскаго въ качествѣ переводчика и попавшій случайно подъ непріятельскіе выстрѣлы. За эту экспедицію Н. М. Бекчуринъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира съ мечами, а Н. А. Крыжановскій монаршимъ благоволеніемъ.

Это былъ послѣдній военный подвигъ генераль-адъютанта Н. А. Крыжановскаго. Съ этой минуты онъ круто измѣнилъ свою воинственную политику и посвятилъ остальное время своей генераль-губернаторской дѣятельности вопросамъ мирной политики и внутренняго благоустройства обширнаго Оренбургскаго края. Все еще не теряя надежды осуществить идею созданія намѣстничества изъ нѣсколькихъ губерній, составлявшихъ оренбургское генераль-губернаторство, присоединеніемъ къ нему части завоеванной генераломъ М. Г. Черняевымъ средне-азиатской территоріи, онъ составилъ планъ организациі въ намѣстничествѣ нѣсколькихъ новыхъ генераль-губернаторовъ. Желая ускорить осуществленіе своего плана, Н. А. Крыжановскій самъ отправился въ С.-Петербургъ и сталъ также хлопотать объ утвержденіи концессіи на Оренбургскую желѣзную дорогу, которая должна была связать Оренбургъ съ Самарою и ввести отдаленныя степныя области въ семью русскихъ городовъ, обезпечивъ имъ прочную связь съ обѣими столицами. Но оказалось, что концессія на Самаро-Златоустовскую желѣзную дорогу съ побочною вѣтвью на Оренбургъ была уже утверждена и даже начата была укладка рельсовъ на новомъ пути, а ходатайство Н. А. Крыжановскаго о намѣстничествѣ осталось опять въ числѣ проектовъ, положенныхъ подъ сукно. Тогда генераль Крыжановскій задумалъ громадный проектъ, который, по его мнѣнію, являлся проявленіемъ высокаго альтруизма по отношенію къ бѣдному чиновному люду и офицерству, служившему въ Оренбургскомъ краѣ. Изъ инвентаря обширныхъ земельныхъ участковъ ввѣреннаго ему края Н. А. Крыжановскій узналъ, что за надѣленіемъ подушно каждаго башкира 30-ю десятинами земли остаются еще свободными въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ до 2 милліоновъ нахотной и луговой земли и до 600 тысячъ десятинъ мачтоваго и строевого лѣса въ Кара-Кипчатской волости. И вотъ онъ задумалъ составить проектъ о раздѣленіи всей этой земли на крупныя и мелкія участки и о раздачѣ всѣхъ этихъ участковъ въ вѣчное и потомственное владѣніе чиновникамъ и офицерамъ, служащимъ въ Оренбургскомъ краѣ, съ разсрочкою за землю платежей на 39 лѣтъ, по самой низкой по тому времени оцѣнкѣ, этой тучной и превосходнаго качества земли со всѣми ея рыбными богатствами и звѣринными промыслами. Составленіе этого грандіознаго проекта было поручено правителю канцеляріи оренбургскаго генераль-губернатора Аполлону Дмитриевичу Холодковскому. Это была въ своемъ родѣ замѣчательная личность, воро-

чавшая всѣми дѣлами Оренбургскаго края, или, какъ его прозвали, временщикъ, такъ какъ самъ по себѣ Н. А. Крыжановскій былъ только военнымъ бюрократомъ и вообще плохимъ практикомъ, а гражданское управленіе краемъ было ему совершенно чуждо, да и вообще онъ относился къ нему совершенно индифферентно. А. Д. Холодковскій былъ типомъ петербургскаго департаментскаго чиновника. Въ высшей степени корректный, утонченно вѣжливый, лстивый и низкопоклонный со старшими и пренебрежительно горделивый съ маленькими и бѣдными людьми, онъ понижавалъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ, изучая ихъ до подробностей, чтобы потомъ извлечь изъ нихъ возможную пользу, не дѣлая самъ для нихъ ровно ничего. Язвительная улыбка никогда не сходила со складокъ его рта, когда онъ бесѣдовалъ съ подчиненными, а вкрадчивый голосъ старался западать въ душу и выворотить ее наизнанку, когда онъ говорилъ съ лицомъ ему чѣмъ-нибудь полезнымъ. Бесѣдуя съ нимъ, можно было думать, что онъ воспитывался въ іезуитской школѣ. Короче сказать, это было то, что французы называютъ *une tête râte d'enfer* (онъ былъ сотворенъ изъ тѣста, изготовленнаго въ аду).

Проектъ Н. А. Крыжановскаго не представлялъ вовсе для А. Д. Холодковскаго неразрѣшимой проблемы, такъ какъ съ самаго прибытія своего въ Оренбургъ А. Д. Холодковскій какимъ-то чутьемъ сразу успѣлъ сблизиться и жить на дружеской ногѣ со всѣми крупными землевладѣльцами губерній Оренбургской и Уфимской, скупившими за безцѣнокъ большіе участки башкирскихъ земель. Оставалось только привести въ цифру всѣ свободные башкирскіе участки, опредѣлить степень ихъ настоящей и будущей цѣнности и затѣмъ уже приступить къ раздробленію самихъ участковъ. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ башкирскими землями А. Д. Холодковскій пришелъ къ заключенію, что при распредѣленіи душевыхъ надѣловъ по 30 десятинъ на каждого башкира, по настоящему мѣсту жительства этихъ аборигеновъ, придется имъ отдать въ душевой надѣлъ самыя лучшія черноземныя поля, а на долю чиновниковъ и офицеровъ, и въ особенности знатныхъ бюрократовъ, могутъ пасть менѣе доходные участки степныхъ земель и даже безплодные солончаки или сыпучіе пески. А потому, лично заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, т. е. желая получить въ вѣчное и потомственное владѣніе нѣсколько тысячъ десятинъ превосходной пахотной башкирской земли съ ея серебристыми рѣчками, изобилующими форелью, онъ предложилъ Н. А. Крыжановскому прежде, чѣмъ надѣлать башкиръ землею, и не приступая еще къ раздачѣ свободныхъ участковъ чиновникамъ, переселить всѣхъ башкиръ на степные участки Орскаго и Челябинскаго уѣздовъ съ тѣмъ, чтобы самыя тучныя земли остались свободными отъ надѣловъ и могли бы достаться бюрократамъ.

Этотъ макіавеллистическій маневръ вполнѣ удался А. Д. Холодковскому и, согласно представленія и распоряженія, сдѣланнаго высшей администраціей изъ Петербурга, благодаря высокому довѣрію, которымъ пользовался при императорѣ Александрѣ II Н. А. Крыжановскій, ходатайство его о переселеніи башкиръ на инныя земли получило надлежащую санкцію. Такимъ образомъ до 100 тысячъ башкиръ были выселены изъ богатыхъ черноземныхъ уѣздовъ губерній Оренбургской и Уфимской на степные участки и солончаки, гдѣ хлѣбопашество вообще не процвѣтаетъ и гдѣ кобылка и сусликъ часто совершенно истребляютъ посѣвы. Послѣдствіемъ этого переселенія было разореніе башкиръ и появленіе среди нихъ голоднаго тифа и даже сильная смертность. Совершивъ переселеніе башкиръ на бесплодныя земли, А. Д. Холодковскій принялся за осуществленіе проекта раздачи башкирскихъ земельных участковъ. Чтобы самая строгая правительственная цензура не мѣшала осуществленію плана раздачи, нужно было провести дѣло такъ тонко, чтобы, какъ говорится, комаръ носу не подточилъ, или, говоря иначе, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. А потому А. Д. Холодковскій составилъ списокъ лицъ, которымъ слѣдуетъ выдѣлить свободныя участки башкирскихъ земель. Въ этотъ списокъ прежде всего были включены лица, занимавшія въ то время высшія государственныя должности, и представители всѣхъ министерствъ. Хотя нѣкоторые изъ этихъ лицъ и отказались отъ надѣленія ихъ башкирскими земельными участками, но другія воспользовались случаемъ приобрести за безцѣнокъ земли въ вѣчное и потомственное владѣніе на льготныхъ условіяхъ. За высшими петербургскими сановниками слѣдовали генераль-губернаторы: туркестанскій—Константинъ Петровичъ Кауфманъ, получившій 10 тысячъ десятинъ башкирской земли, и оренбургскій генераль-губернаторъ, Николай Андреевичъ Крыжановскій—тоже 10 тысячъ десятинъ самой богатой и плодородной башкирской земли. За ними слѣдовалъ правитель канцеляріи генераль-губернатора А. Д. Холодковскій, получившій до 3 тысячъ десятинъ самой лучшей пахотной башкирской земли, а за нимъ всѣ генералы, занимавшіе въ Оренбургскомъ краѣ должности начальниковъ отдѣльных частей. Генеральскіе участки по чинамъ генераль-майора и генераль-лейтенанта наризывались въ размѣрѣ отъ 1 до 3 тысячъ десятинъ земли каждому. Даже нѣкоторые отставные генералы, какъ, напримѣръ, В. И. Черновъ, служившій когда-то въ молодости въ башкирскомъ войскѣ и, благодаря доходному мѣсту попечителя, успѣвшій составить себѣ капиталецъ, получилъ участокъ земли, заключавшій въ себѣ болѣе 2 тысячъ десятинъ, хотя былъ холостой. За военными генералами слѣдовали статскіе въ чинахъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и статскихъ совѣтниковъ, надѣленные также участками отъ 1 до 3 тысячъ

десятинъ башкирской земли. Къ лицамъ этой категоріи принадлежали: попечитель оренбургскаго учебнаго округа Лавровскій, окружные инспекторы Великановъ и Владимирскій. Надѣлены также участками башкирскихъ земель: директоръ Неплюевского кадетскаго корпуса Ѳ. М. Самоцвѣтъ, инспекторъ этого же корпуса и всѣ воспитатели и преподавательскій персоналъ, а также начальница оренбургской женской гимназіи баронесса Марія Ивановна Гершау. Когда же дѣло дошло до мелкой сошки, то тутъ стали раздавать участки только лицамъ, пользовавшимся особымъ благоволеніемъ оренбургскаго генераль-губернатора Н. А. Крыжановскаго и его правителя канцеляріи А. Д. Холодковского. Зато адъютантамъ и чиновникамъ особыхъ порученій Н. А. Крыжановскаго достались генеральскіе участки, хотя они были въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Мелкіе участки, или такъ называемые оберъ-офицерскіе, составляли отъ 400 до 500 десятинъ очень хорошей пахотной земли. Они раздавались преимущественно чиновникамъ генераль-губернаторской канцеляріи, а также лицамъ, состоявшимъ въ родствѣ съ генераль-губернаторскою прислугою. Насколько было выгодно пріобрѣтеніе въ вѣчное и потомственное владѣніе такихъ участковъ, можно заключить изъ слѣдующаго: такъ, напримѣръ, учитель гимнастики оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса Дорманъ, переkreщенный еврей, выслужившій пенсію, выполнѣ обезпечивавшую безбѣдное житіе его семьи, и все-таки продолжавшій служить въ кадетскомъ корпусѣ, получая и жалованье и пенсію, былъ награжденъ участкомъ земли въ Уфимской губерніи въ количествѣ 400 десятинъ. Участокъ этотъ состоялъ изъ превосходнаго чернозема, съ котораго башкиры были незадолго передъ тѣмъ выселены, но что еще важнѣе того, на этой землѣ была построена владѣльцами ея башкирами мельница, отданная въ долгосрочную аренду по 800 рублей въ годъ и хотя прошло только два года со дня заключенія контракта, доходъ съ этой мельницы былъ тоже предоставленъ въ пользованіе учителя гимнастики Дормана. Другой, тоже прекрасный участокъ въ 350 десятинъ пахотной земли съ обильною рыбною рѣкою достался учителю гимнастики и строевого образованія оренбургской военной прогимназіи поручику Томашевскому. Этотъ участокъ земли былъ сданъ башкирами-общественниками въ долгосрочную аренду по 900 рублей въ годъ и эта аренда вмѣстѣ съ землею сдѣлалась достояніемъ поручика Томашевскаго. За всѣ участки башкирской земли, доставшейся въ награду чиновникамъ, новые владѣльцы ихъ обязаны были вносить въ продолженіе 39 лѣтъ по нѣсколько копеекъ, которыя должны были составить въ общей сложности отъ 80 коп. до 1 руб. 20 коп. за десятину. Конечно, въ сравненіи съ существовавшею въ то время дѣйствительною стоимостью земли (22 рубля за десятину) это составляло такую низкую плату,

что многіе изъ этихъ вновь испеченныхъ помѣщиковъ успѣли внести за свои участки деньги сразу, запродавъ тотчасъ же съ большими барышами эти участки кореннымъ жителямъ Оренбурга. Эта раздача башкирскихъ земель по инициативѣ генераловъ Крыжановскаго и Холодковскаго была извѣстна подъ именемъ расхищенія башкирскихъ земель, и о ней въ газетахъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ создавалась цѣлая литература съ подробнымъ перечнемъ лицъ, награжденныхъ этими участками. Началась травля корреспондентовъ, исключеніе ихъ изъ службы, административная высылка и преслѣдованіе и обвиненіе въ неблагонадежности. Но печать работала безъ устали, обличая хищниковъ, и фактъ расхищенія башкирскихъ земель остался все-таки живымъ, неопровержимымъ и вполне доказаннымъ фактомъ, такъ что даже великій его вершитель, правитель канцеляріи Крыжановскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Холодковскій, почувствовалъ, что преслѣжъ его подорванъ и что петербургская высшая администрація начинаетъ относиться къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ. Но зло было непоправимо, и вскорѣ до государя Александра II дошли слухи, что раздача башкирскихъ льготныхъ земель не только разорила башкиръ, но не обогатила и бѣднѣйшихъ чиновниковъ, давно служащихъ въ Оренбургскомъ краѣ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не получилъ ни малѣйшаго клочка земли, которая вся была роздана людямъ случайнымъ, пользовавшимся протекціей генералъ-губернатора. Къ несчастію, генералъ-губернаторъ Крыжановскій имѣлъ слабость героя Грибоѣдовской комедіи Фамусова и могъ бы по справедливости сказать вмѣстѣ съ этимъ типичнымъ москвичемъ: «при мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки, все больше сестрины, свояченицы дѣтки». И въ самомъ дѣлѣ всѣ его адъютанты, чиновники особыхъ порученій и состоящіе въ его распоряженіи по званію командующаго войсками военного округа и начальники отдѣльных частей были все люди, связанные съ нимъ узами крови и родства. Такъ, на примѣръ, родственникъ его полковникъ Бобарыкинъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и занялъ постъ оренбургскаго военного губернатора и наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска. Постъ этотъ былъ очень почетный и выгодный. Кромѣ большого оклада жалованья, присвоеннаго этому лицу, совмѣщавшему въ себѣ двойное представительство власти, Бобарыкинъ занималъ въ казенномъ зданіи караванъ-сарая большую и роскошную квартиру въ двѣнадцать комнатъ при огромномъ садѣ съ оранжереями. Братъ жены генерала Бобарыкина, подполковникъ Кашкинъ, занималъ должность адъютанта при генералѣ Крыжановскомъ по званію его командующаго войсками оренбургскаго военного округа. Но Бобарыкину не посчастливилось на атаманскомъ посту. Къ нему нѣсколько разъ являлся съ просьбою объ опредѣленіи его на службу

вольноюопредѣляющимъ г. Естихѣвъ. Бобарыкинъ не хотѣлъ принять его на службу, и вотъ когда однажды онъ отказалъ ему въ его просьбѣ, Естихѣвъ въ припадкѣ отчаянія бросился на Бобарыкина и ударилъ его два раза по лицу. На другой день послѣ этого происшествія всѣ офицеры оренбургскаго казачьяго войска, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, облеклись въ мундиры и отправились къ атаману для выраженія ему сочувствія по поводу инцидента съ Естихѣвымъ. И по городу всюду говорили, что офицеры ѣздили поздравлять Бобарыкина съ полученіемъ оплеухи.

Н. А. Крыжановскій, желая дать ходъ по службѣ своимъ сыновьямъ, Андрею и Михаилу, служившимъ оберъ-офицерами въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, сформировалъ даже для одного изъ нихъ конный башкирскій полкъ. Въ 1855 году, во время Крымской кампаніи, было сформировано 4 башкирскихъ конныхъ полка, которые были посланы въ прибалтійскіе порты въ видѣ береговой стражи. Съ окончаніемъ войны полки эти были расформированы. Н. А. Крыжановскій ухватился за идею сформированія кавалеріи изъ туземцевъ и ему удалось испросить разрѣшеніе военнаго министра на сформированіе одного коннаго башкирскаго полка, командованіе которымъ онъ поручилъ старшему своему сыну, ротмистру гвардіи Андрею Николаевичу Крыжановскому. Такимъ образомъ очутившись во главѣ башкирскаго коннаго полка и переименованный изъ ротмистровъ гвардіи въ полковники, А. Н. Крыжановскій оказался въ двойномъ выигрышѣ. Къ несчастію, этотъ молодой человѣкъ любилъ широко пожить. Вино и карты были его излюбленными развлеченіями, и вскорѣ онъ такъ запутался, что проигралъ нѣсколько тысячъ рублей казенныхъ денегъ, предназначенныхъ на пищевое довольствіе башкиръ и на фуражъ полковыхъ лошадей. Во время лагерной стоянки въ башкирскихъ деревняхъ офицеры этого полка вели тоже очень разсѣянную жизнь. Вино и карты были ихъ главными занятіями, и вотъ однажды послѣ попойки они устроили въ деревнѣ нѣчто въ родѣ похищенія сабинянокъ и когда дѣвушки стали сопротивляться этой атакѣ, то гг. офицерами были пущены въ ходъ пашки и одной изъ башкирокъ отрубили ухо, а другой нѣсколько пальцевъ на рукѣ. Результатомъ этого скандала была уплата большой суммы денегъ потерпѣвшимъ, чтобы потушить исторію. Вскорѣ отъ такой жизни у командира башкирскаго полка Андрея Николаевича Крыжановскаго оказалось столько долговъ, что на покрытіе ихъ пошли всѣ деньги, вырученныя отъ продажи десяти тысячъ десятинъ башкирскаго земли, доставшихся самому генералъ-губернатору Н. А. Крыжановскому. Однажды, помню я, горничная моей жены пришла ко мнѣ въ кабинетъ и объявила, что на кухнѣ у насъ какой-то босякъ, который желаетъ меня видѣть. Я поспѣшилъ выйти къ этому господину. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, брюнетъ средняго роста, худощавый.

Одѣтъ онъ былъ очень плохо. Несмотря на суровую зиму, на немъ былъ офицерскій бѣлый замазанный китель, на которомъ не было погоновъ и болтались только двѣ серебряныя пуговицы съ орлами. Сѣросинія брюки съ красными кантами были сильно поношены и мѣстами изорваны, а ноги босыя были обуты въ дырявыя вале-ныя галоши. Въ рукахъ онъ мялъ фуражку съ бархатнымъ околышемъ, но безъ офицерской кокарды. Онъ поспѣшилъ отрекомендоваться сыномъ генерала Z., очень заслуженнаго и извѣстнаго въ то время лица въ Петербургѣ.

— Pardon, monsieur, je vous dérange peut-être! Mais c'est que je m'ennuie à mort au milieu de ce tas de gens qu'on appelle jeunesse dorée et qui joue un si grand rôle en province. Me croirez-vous ce sont des fainéants qui passent leur vie à jouer aux cartes et à faire la noce dans les faubourgs cosaques. Ils assomment les bourgeois, courant après leurs femmes et leurs filles et au bout du compte ce sont des ignorants qui ne lisent rien et qui ne sont que des savants en fricassée ¹⁾

Я попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ, куда намъ вскорѣ подали завтракъ, состоявшій изъ горячихъ котлетъ и бутылки портвейна, но собесѣдникъ мой отказался отъ вина и попросилъ вмѣсто него водки, которой онъ выпилъ быстро одну за другою чепыре или пять рюмокъ и только послѣ нихъ сталъ закусывать.

— Да!—продолжалъ онъ свою прерванную рѣчь.—Отецъ мой сдѣлалъ большую ошибку, не отпустивъ меня въ Италію. Je suis peintre par vocation ²⁾ и я убѣжденъ, что изъ меня никогда не выйдетъ хорошаго офицера генеральнаго штаба. Изъ угожденія отпущу я пошелъ въ военную академію и вотъ я теперь не старше двадцати пяти лѣтъ отъ роду капитанъ генеральнаго штаба. Mais que peut-on faire dans ce maudit trou. C'est à en y perdre la raison. Но о чемъ, спрошу я васъ, можно говорить съ нашими адъютантами и чиновниками особыхъ порученій. Они не читали даже Тургенева и не подозреваютъ о существованіи Чернышевскаго и Добролюбова. А служба наша штабная. Развѣ это живое дѣло? Чѣмъ занимаются у насъ офицеры генеральнаго штаба? Составленіемъ по десяти разъ однѣхъ и тѣхъ же вѣдомостей о нарядѣ на службу пѣхотинцевъ и казаковъ въ степныя укрѣпленія и форты. И клянусь вамъ, что для этого вовсе не нужны академики. Любой пи-

¹⁾ Простите я можетъ быть беспокою васъ, но я до смерти скучаю среди этой кучи людей, которыхъ называютъ золотою молодежью и которая играетъ такую видную роль въ провинціи. Повѣрите ли вы мнѣ, это празднолюбцы, которые цѣлыми вечерами только играютъ въ карты и пьянствуютъ въ казачьихъ форштадтахъ. Они избиваютъ мѣщанъ и ухаживаютъ за ихъ женами и дочерьми и въ концѣ концовъ это неучи, которые ничего не читаютъ и которыхъ можно назвать обжорами и знатоками въ разныхъ фрикасахъ.

²⁾ Я живописецъ по призванію.

сарь можетъ составить такія вѣдомости, пожалуй, даже и лучше офицера генеральнаго штаба. Ну, поневолѣ среди такой безмысленной и безцѣльной жизни запьешь и одичаешь. *Cependant je vous embête et il serait inconveniant d'abuser de votre complaisance.* (Однако я вамъ надоѣдаю, и было бы непристойно злоупотреблять вашимъ снисхожденіемъ),—сказалъ онъ, хватаясь за свою потертую фуражку. Я велѣлъ крикнуть извозчика, на котораго его усадили нѣсколько захмелѣвшаго, такъ какъ онъ выпилъ весь графинъ водки. На прощанье я снабдилъ его нѣсколькими французскими книгами изъ моей скромной библіотеки. Мы разстались большими друзьями, и черезъ мѣсяцъ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ его братъ и привезъ мнѣ мои книги, объявивъ при этомъ, что увозить брата въ Петербургъ, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлался неизлечимымъ алкоголикомъ.

Въ 1865 г. въ Оренбургѣ, кромѣ кадетскаго корпуса, было открыто еще новое учебное заведеніе — оренбургская классическая гимназія, и незадолго передъ тѣмъ оренбургская женская гимназія, причемъ всѣ учебныя заведенія Оренбургской губерніи находились въ вѣдѣніи директора гимназіи, носившаго званіе директора училищъ Оренбургской губерніи. Въ 1875 г. совершилась реформа въ педагогическомъ дѣлѣ, и въ Оренбургѣ былъ открытъ учебный округъ, въ составъ котораго вошли учебныя заведенія губерній: Оренбургской, Уфимской, Пермской и областей: Тургайской и Уральской, причемъ на постъ попечителя Оренбургскаго учебнаго округа былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровскій. Это былъ ярый классикъ, и онъ привезъ съ собою въ Оренбургъ нѣсколько чеховъ, которымъ и препоручилъ преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіи. Въ числѣ ихъ былъ чехъ Малина, преподаватель латинскаго языка, который заставлялъ учениковъ заучивать множество стиховъ и басенъ на латинскомъ языкѣ, такъ что классная бесѣда носила характеръ разговорной рѣчи. Ревизуя гимназію, попечитель Лавровскій пришелъ въ восторгъ отъ ученическихъ латинскихъ разговоровъ на лекціяхъ преподавателя Малины и выставилъ его всѣмъ, какъ образцоваго преподавателя. Но и на этомъ солнцѣ оказались пятна. Въ одинъ печальный день къ женѣ преподавателя Малины пріѣхала въ Оренбургъ дама, доказавшая съ документами въ рукахъ, что она законная супруга Малины, а онъ бѣглый ксендзъ, нарушившій два раза монашескій обѣтъ. Въ этотъ же день скрылся изъ Оренбурга самъ Малина, а вторая супруга его, урожденная Шрамекъ, съ которою онъ пріѣхалъ двоихъ дѣтей, уѣхала въ Петербургъ къ своему отцу, директору одной изъ петербургскихъ гимназій. Были еще и другіе курьезы во вновь открытомъ оренбургскомъ учебномъ округѣ. А именно въ числѣ окружныхъ инспекторовъ при попечителѣ Лавровскомъ былъ нѣкто Владимірскій, эстетикъ и любитель женскаго тѣла.

Однажды онъ явился въ десять часовъ вечера въ пансіонъ женской гимназіи и отправился прямо въ спальню дѣвицъ. Когда доложили объ этомъ начальницѣ гимназіи, она чуть не упала въ обморокъ, но Владимирскій преспокойно прошелъ черезъ весь дортуаръ отъ одного конца до другого, подъ предлогомъ осмотра одѣяль и простынь у спящихъ дѣвицъ, и навелъ панику на все учебное заведеніе.

Любопытна была также и ревизія, произведенная генералъ-губернаторомъ Крыжановскимъ въ учебныхъ заведеніяхъ Оренбургскаго учебнаго округа. Онъ являлся на уроки во время занятій въ сопровожденіи своихъ дежурныхъ адъютантовъ, чиновниковъ особыхъ порученій и неизмѣнно всюду сопровождавшаго его пристава 1-ой части города Оренбурга Николая Михайловича Соловьева. Войдя въ классъ и не обращая вниманіе на преподаваемый въ данную лекцію предметъ, Н. А. Крыжановскій тотчасъ же начиналъ производить ученикамъ экзаменъ. Онъ начиналъ съ Закона Божія, не справляясь даже при этомъ съ требованіями программы въ данномъ классѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ переходилъ къ русскому языку, къ математикѣ и къ новымъ языкамъ. Задавая произвольно вопросы, на которые, конечно, ученики не могли отвѣчать, онъ разносилъ тутъ же директора, инспектора и преподавателей. Такимъ образомъ были обревизованы имъ всѣ учебныя заведенія, входившія въ составъ Оренбургскаго учебнаго округа.

Но вотъ наступилъ тяжелый 1879 годъ, воспоминаніе о которомъ навѣрно не изгладится изъ памяти оренбуржцевъ, его пережившихъ, до конца ихъ дней. Весна открылась въ тотъ годъ очень рано и въ первыхъ числахъ апрѣля наступили жары, доходившія до 40° по Реомюру. 16-го апрѣля надъ городомъ разразилось страшное, небывалое бѣдствіе. Во время урагана, когда силою вѣтра срывало крыши съ домовъ, загорѣлся на дворѣ бухарскаго купца Адамова складъ хлопка и порывами вѣтра его горящія хлопья стало разносить по соседнимъ сѣноваламъ и деревяннымъ крышамъ, а потомъ горящіе клубки полетѣли, подхваченные вѣтромъ, въ отдаленные кварталы. Крыши сараевъ, бань, деревянныхъ надворныхъ строеній моментально воспламенялись, какъ свѣчи, и среди рева бури цѣлое море огня бушевало въ городѣ прежде, чѣмъ на помощь этому бѣдствію могла прискакать мѣстная пожарная команда. Нечего и говорить, что въ то время средства къ борьбѣ съ разрушительной стихіей были самыя жалкія и плохо организованныя. Черезъ часъ послѣ начала пожара цѣлые кварталы были объаты пламенемъ, силою вѣтра огонь шелъ по верхамъ и загорались вторые этажи домовъ. Горѣли: лавки, магазины, аптеки, гостиницы, винныя и керосиновые склады, церкви, колокольни, а внизу какіе-нибудь деревянные лари и лавчонки стояли нетронутыми, пока изъ домовъ не повыбрасывали въ окна всю мебель и домашнія вещи, которыя, сваленныя въ кучи, загорались тутъ же на улицахъ.

Вскорѣ пожаръ принялъ грандіозныя размѣры, и борьба съ огнемъ сдѣлалась невозможною. Сгорѣли пожарныя бочки и большая половина пожарнаго обоза, а пожарные спаслись, усакававъ на своихъ лошадяхъ. Линія огня вытянулась на нѣсколько верстъ, охвативъ городъ и самыя большія его предмѣстья, и наконецъ огонь дошелъ до крайнихъ мелкихъ деревянныхъ построекъ, примыкавшихъ къ рельсамъ желѣзной дороги. Къ вечеру того же 16 апрѣля насчитывалось до 3 тысячъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, истребленныхъ пожаромъ, и до 20 тысячъ жителей остались безъ крова и лишились своего имущества. Среди жителей была паника. Предоставивъ на жертву огня свое имущество, отцы и матери думали только о спасеніи своихъ дѣтей. Всѣ бѣжали изъ города, и кто успѣлъ добраться до станціи желѣзной дороги, тѣ помѣстились съ семьями въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, захвативъ съ собою во время этого бѣгства одѣяла и подушки и уцѣлѣвшую отъ пожара одежду, остальные принуждены были жить на открытомъ воздухѣ вдоль стѣнъ, огораживающихъ городское кладбище, устроивъ себѣ палатки изъ простынь и ковровъ. Были и такіе несчастные, которые вмѣстѣ съ дѣтьми спали на кладбищѣ на могилахъ. Съ 16 апрѣля пожарное бѣдствіе стало обычнымъ явленіемъ въ жизни оренбуржцевъ. Не проходило дня безъ того, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, и такъ какъ пожары сопровождались сильными вѣтрами, то борьба съ разрушительнымъ дѣйствіемъ огня становилась крайне затруднительною, и, чтобы локализовать пожары, приходилось при помощи войскъ ломать всѣ сосѣднія съ горѣвшими домами деревянныя постройки, что возбуждало ропотъ и недовольство домохозяевъ. Но однажды, въ первыхъ числахъ мая того злополучнаго 1879 года, жителямъ города Оренбурга угрожала страшная опасность. Вокругъ порохового погреба, очутившагося съ уничтоженіемъ крѣпостнаго вала въ чертѣ города, загорѣлись сложенные въ большомъ количествѣ бревна строевого лѣса, предназначеннаго къ отправленію въ степныя укрѣпленія. Въ пороховомъ погребѣ въ этотъ день хранилось до 800 пудовъ пороха и, воспламенись этотъ порохъ, въ городѣ не уцѣлѣло бы ни одного второго или третьяго этажа и ни одной колокольни, не упоминая о неизбѣжной гибели множества людей отъ такого взрыва. Противъ порохового выхода какъ разъ раскинулись постройки Казачьяго форштадта, въ которомъ насчитывалось до 4 тысячъ жителей. Въ близкомъ разстояніи отъ этого порохового выхода находилось и городское кладбище, на которомъ пріютилось нѣсколько тысячъ погорѣльцевъ. На этотъ разъ паника была еще сильнѣе, и жители форштадта кинулись прямо къ Уралу, чтобы переплыть его на лодкахъ и укрыться на другомъ берегу въ Зауральной рошѣ, ожидая ежеминутно оглушительнаго взрыва обвѣятаго пламенемъ порохового погреба. Но бѣдствіе миновало.

Артиллерійскій чиновникъ Ефремовъ, которому было ввѣрено спасеніе порохового погреба, заложилъ въ немъ всѣ окна, затѣмъ закрылъ весь погребъ сукномъ и кошмами, которыя при неослабныхъ усиліяхъ двухъ пѣхотныхъ батальоновъ были поливаемы водою, а горящія бревна стали откатывать какъ можно дальше отъ порохового выхода, и къ вечеру пожаръ былъ потушенъ. Черезъ мѣсяцъ со дня начала пожарныхъ бѣдствій Оренбургъ почти весь выгорѣлъ и представлялъ собою груды развалинъ, изъ которыхъ торчали только печи и полуразвалившіяся дымовыя трубы. Жители города и предмѣстій дошли до ужасающей нищеты и полного изнеможенія. По кладбищу и по предмѣстьямъ развозили для продовольствія жителей бочки съ горячими щами и тянулись телѣги, нагруженные ломтями нарѣзаннаго хлѣба. Погибло множество скота, лошадей, коровъ, овецъ и множество домашней птицы. Сгорѣло 9 человѣкъ, захваченныхъ огнемъ во время сна. Приближалась зима 1879—1880 гг. Погорѣльцы рассчитывали на полученіе большихъ денежныхъ ссудъ, обѣщанныхъ имъ начальствомъ, и надѣялись построить новые дома на мѣстѣ сгорѣвшихъ. Но большая часть пострадавшихъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. На помощь бѣднякамъ пришло общество Краснаго Креста, и, благодаря розданнымъ имъ пособіямъ частью строительными матеріалами, частью деньгами, предмѣстья успѣли обстроиться маленькими домиками изъ дерева и воздушнаго кирпича до наступленія поздней осени. Но постройки изъ воздушнаго кирпича оказались на практикѣ непригодными для жилья и съ наступленіемъ осени вслѣдствіе сырости сдѣлались очагами заразныхъ болѣзней, въ особенности тифа, скарлатины и дифтерита. По недостатку денежныхъ пособій и чрезмѣрной дороговизнѣ строительныхъ матеріаловъ въ центрѣ города оставалось множество незастроенныхъ мѣстъ и квартиры поднялись значительно въ цѣнѣ. На бѣду еще зима наступила суровая и снѣжная. На всѣ предметы первой необходимости цѣны стали быстро повышаться, а къ дровамъ не было приступа, такъ какъ лѣсъ сплавляли въ Оренбургъ изъ Башкиріи по Уралу, а въ тотъ годъ вслѣдствіе засухи и мелководья рѣкъ лѣсъ пришлось выгружать верстъ 50 не доходя до города и везти его гужомъ. Такимъ образомъ цѣна кубической сажени дровъ доходила до 75 и до 80 рублей. Даже топливо, приготовляемое изъ навоза и извѣстное подъ названіемъ кизяковъ, погорѣло въ большомъ количествѣ во время пожаровъ и продавалось за сотню кирпичей по 1 р. и 1 р. 20 к., а съ наступленіемъ холодовъ дошло до 1 р. 80 к. за сотню. Среди бѣднаго люда началась голодовка, а когда въ концѣ зимы образовались по линіи Оренбургской желѣзной дороги снѣжные заносы, доходившіе до 12 аршинъ въ вышину, то сначала администрація дороги пробовала бороться съ этимъ бѣдствіемъ, а когда вьюги стали сопровождаться сильными

морозами, то рельсы покрылись такимъ толстымъ слоемъ замерзшаго снѣга, который образовалъ цѣлыя ледяныя горы, и наконецъ движеніе поѣздовъ между Оренбургомъ и Самарою совершенно прекратилось. Прошло двѣ недѣли, и Оренбургъ очутился изолированнымъ отъ цѣлаго міра. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ не только по желѣзной дорогѣ, но и по всѣмъ грунтовымъ дорогамъ тоже прекратился. Самый послѣдній сортъ муки продавался по 3 р. за пудъ и дороже, мясо доходило до 25—30 к. за фунтъ, а масло до 70 к. за фунтъ и вскорѣ совсѣмъ исчезло съ рынка.

Между тѣмъ еще въ началѣ зимы генералъ-губернаторъ Крыжановскій, вызванный въ С.-Петербургъ по поводу поступившихъ на него жалобъ по переселенію башкиръ на безплодныя земли, результатомъ чего являлось обнищаніе башкиръ и появившаяся среди ихъ смертность отъ голодного тифа, сидѣлъ себѣ преспокойно въ Петербургѣ и отписывался, ссылаясь на свои доклады и проекты и опираясь на своего правителя канцеляріи Холодковского, находившагося въ это время при немъ въ Петербургѣ. Но вотъ дѣло дошло наконецъ до того, что вслѣдствіе прекращенія движенія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ подвозъ провіанта и мяса въ Оренбургъ совершенно прекратился, мука вздорожала до невозможности, да и привозъ ея совершенно прекратился, а изъ мясныхъ продуктовъ можно было достать только киргизскую баранину, которая очень жестка и непріятна на вкусъ и отличается притомъ дурнымъ запахомъ, такъ какъ киргизы нажираютъ своихъ барановъ только въ курдюкѣ, не заботясь о качествѣ мяса, а считая только важнымъ полученіе отъ нихъ наибольшаго количества сала. Въ виду отсутствія въ Оренбургѣ всякихъ пищевыхъ продуктовъ, наступилъ уже настоящій голодъ, сопровождавшійся желудочными заболѣваніями со смертнымъ исходомъ. И съ каждымъ днемъ процентъ смертности сталъ значительно увеличиваться. Тогда, по почину оренбургскаго городского головы, въ Оренбургѣ было созвано экстренное засѣданіе думы, на которое, кромѣ гласныхъ, были приглашены всѣ болѣе или менѣе опытные и уважаемые домовладѣльцы города, а также исправлявшій обязанность оренбургскаго генералъ-губернатора вице-губернаторъ Василій Разумниковичъ Жуковъ. Въ засѣданіи этомъ обсуждались необходимыя мѣропріятія для предотвращенія голодовокъ, и въ числѣ главныхъ условій было постановлено послать по телеграфу депешу, адресованную на имя министра внутреннихъ дѣлъ, съ просьбой о принятіи энергическихъ мѣръ къ прекращенію развившейся среди городского населенія голодовки. Въ концѣ засѣданія депеша была уже составлена переписана набѣло и покрыта двумя тысячами подписей и подписью испр. обязанность генералъ-губернатора, вице-губернатора Жукова. Какъ только депеша эта дошла до Петербурга, министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ же доложилъ о ней государю

императору въ присутствіи находившагося въ то время въ кабинетѣ его величества государя наслѣдника цесаревича Александра Александровича (впослѣдствіи въ Бозѣ почившаго императора Александра III). Государь императоръ тотчасъ же приказалъ дать знать объ этомъ министру путей сообщенія, приказавъ, чтобы путь отъ Самары до Оренбурга былъ немедленно очищенъ отъ снѣжныхъ заносовъ. Между тѣмъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ тотчасъ же приказалъ послать за оренбургскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ, и когда тотъ явился къ его высочеству, то государь наслѣдникъ встрѣтилъ его слѣдующей фразой:

— Вы ничего не слыхали, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчалъ озадаченный Н. А. Крыжановскій.

— У васъ въ Оренбургѣ страшное бѣдствіе, люди умираютъ отъ голода.

— Но я ничего не могу подѣлать. Уже болѣе десяти дней сообщеніе по желѣзной дорогѣ прервано между Оренбургомъ и Самарою. Я бы самъ давно уѣхалъ.

— Государь приказалъ министру путей сообщенія немедленно расчистить путь, поѣзжайте тотчасъ же къ министру путей сообщенія, а главное, надо дѣйствовать быстро и безотлагательно. Вотъ вамъ чекъ на полученіе изъ банка 20 тысячъ рублей и распорядитесь тотчасъ же, чтобы на эти деньги было куплено мясо и хлѣбъ и какъ только путь будетъ свободенъ, отсылайте немедля эту первую помощь въ Оренбургъ, а мы съ женою приготовимъ вамъ еще такую же сумму денегъ на помощь голодающимъ оренбуржцамъ.

Н. А. Крыжановскому оставалось только благодарить его высочество и повиноваться. На другой день изъ Петербурга было направлено нѣсколько товарныхъ поѣздовъ съ мясомъ и хлѣбомъ въ Оренбургъ и когда поѣзда эти прибыли въ Самару, то имъ пришлось еще простоять цѣлыя сутки въ этомъ городѣ, пока, наконецъ, нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ удалось расчистить путь отъ двѣнадцатиаршинныхъ снѣжныхъ заносовъ. Съ этого дня стали постепенно подвозить въ Оренбургъ съѣстные припасы и навезли ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что городской муниципалитетъ раздавалъ въ теченіе мѣсяца бесплатно всѣмъ жителямъ муку, мясо, чай, сахаръ, табакъ и даже конфеты и плоды, жертвуемые dobroхотами. Такъ окончилась страшная оренбургская голодовка, поглотившая не малое число жертвъ.

Между тѣмъ Н. А. Крыжановскій, по прибытіи своемъ въ Оренбургъ, потребовалъ къ себѣ вице-губернатора В. Р. Жукова и, сдѣлавъ ему строгій выговоръ, разнесъ въ пухъ и въ прахъ городского голову и всѣхъ чиновниковъ за подачу министру внутреннихъ дѣлъ телеграммы о голодовкѣ, наступившей въ Оренбургѣ. Пока

Н. А. Крыжановскій разносилъ своихъ подчиненныхъ, высшая администрація Петербурга одобрила мѣропріятія вице-губернатора В. Р. Жукова, и онъ удостоился даже повышенія по службѣ.

Свершилось страшное злодѣяніе 1-го марта 1881 года. Обожаемый монархъ, Царь-Освободитель былъ убитъ рукою злодѣя на улицѣ своей столицы въ ту минуту, какъ вышелъ изъ кареты, чтобы посмотрѣть, въ какой мѣрѣ пострадали отъ взрыва окружавшіе его люди изъ народной толпы случайныхъ прохожихъ. Вся Россія приуныла, оплакивая кончину этого ангела, снявшего рабскія цѣпи съ многомилліоннаго населенія закрѣпощенныхъ невольниковъ и даровавшего странѣ судъ правый и скорый.

Между тѣмъ въ оренбургскомъ генераль-губернаторствѣ дѣла шли все хуже и хуже, и по множеству возгорѣвшихся вслѣдствіе раздачи башкирскихъ земель споровъ и земельныхъ тяжбъ возникла масса новыхъ дѣлъ и подача тысячи жалобъ въ сенатъ, и всѣ эти дѣла и споры требовали быстрого разрѣшенія. Въ виду этихъ аграрныхъ споровъ, весною 1882 года была послана въ Оренбургъ сенаторская ревизія, обнаружившая массу злоупотребленій со стороны правителя генераль-губернаторской канцеляріи дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Д. Холодковского. Въ надеждѣ какъ-нибудь смягчить печальные результаты этой ревизіи генераль-губернаторъ Крыжановскій отправился въ маѣ мѣсяцѣ того же года въ Петербургъ, но онъ успѣлъ доѣхать только до Самары, гдѣ встрѣтился съ фельдъегеремъ, который вручилъ его высокопревосходительству пакетъ отъ государя императора Александра Александровича. Это была чистая отставка, съ лишеніемъ званія генераль-адъютанта, безъ пенсіи и безъ мундира, а правитель канцеляріи Холодковский былъ уволенъ въ отставку по 3 пункту съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не опредѣлять. Такъ окончилась башкирская эпопея, поглотившая тысячи жизней погибшихъ отъ голода инородцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало и упраздненіе оренбургскаго генераль-губернаторства и оренбургскаго военного округа.

П. Жакмонъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
МАЙ, 1907 Г.

составилъ, по Высочайшему повелѣнію, проектъ правилъ о порядкѣ совмѣщенія государственной службы съ участіемъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Послѣ полнаго сліянія кодификаціоннаго отдѣла съ государственнымъ совѣтомъ покойный участвовалъ въ разработкѣ проекта о вѣксляхъ и въ совѣщаніи для начертанія законодательнаго акта о порядкѣ изданія и обнародованія общихъ законовъ для всей имперіи. Въ 1897 г. онъ былъ призванъ на постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта и съ 1900 г. предсѣдательствовалъ въ департаментѣ законовъ и принималъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи законопроектовъ, имѣющихъ общее значеніе. Замѣстителемъ графа (ольскаго по должности предсѣдателя государственнаго совѣта онъ былъ назначенъ въ постоянномъ году. Кромѣ того, покойный состоялъ съ 1900 г. членомъ постоянной палаты международнаго третейскаго суда въ качествѣ представителя Россіи. Заслуги покойнаго отмѣчены цѣлымъ рядомъ наградъ до ордена св. Андрея Первозваннаго включительно. Археологическій институтъ и юридическое общество при сиб. университетѣ избрали его въ почетные члены. Умеръ онъ 74 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.154).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель».

Прочтя статью «Хищеніе башкирскихъ земель» г. Сторожкила Жакмона въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», считаю необходимымъ исправить допущенныя имъ ошибки. Приѣхавъ въ г. Оренбургъ въ октябрѣ 1876 г. и не состоя при генераль-губернаторѣ Крыжановскомъ, позволю только указать на слѣдующія извращенія въ этой статьѣ: 1) Хивинскій походъ былъ не въ 1871 г., а въ 1873 г.; 2) хивинскій ханъ никогда заложникомъ не былъ, въ Оренбургъ не ссылался и не могъ бѣжать, а сейчасъ ханствуетъ въ Хивѣ; 3) послѣ Кокандскаго похода 1875—1876 г.г. былъ посланъ въ г. Оренбургъ кокандскій ханъ Худояръ-Ханъ и дѣйствительно въ 1877 г. въ ноябрѣ бѣжалъ черезъ хивинскіе предѣлы и скрылся; 4) Хивинское ханство не управлялось русскимъ правительствомъ, да и сейчасъ не управляется; 5) сынъ Н. А. Крыжановскаго Андрей Николаевичъ не получилъ въ чинѣ ротмистра коннаго башкирскаго полка, съ переименованіемъ въ полковника, а командовалъ въ чинѣ подполковника въ Туркестанскомъ краѣ 3 Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ и принялъ въ 1876 или началъ 1877 г. отъ полковника Леонтьева не башкирскій полкъ, котораго тогда не существовало, а башкирскій эскадронъ, который былъ развернутъ затѣмъ уже сначала въ дивизионъ, а затѣмъ полкъ; 6) Г. А. Крыжановскій былъ уволенъ не въ 1882 г., а въ 1881 г. и военный оренбургскій округъ присоединенъ былъ къ казанскому, причемъ Г. А. Крыжановскій былъ сначала только уволенъ отъ должности генераль-губернатора и оставленъ членомъ военнаго совѣта, а затѣмъ уже уволенъ въ отставку.

Н. Сухинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1908 Г.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель».

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1907 г. въ статьѣ «Хищеніе башкирскихъ земель» П. П. Жакмонъ, говоря о надѣленіи свободными участками башкирскихъ земель лицъ, занимавшихъ въ то время (въ 70-тыхъ годахъ) высшія государственныя должности и представителей всѣхъ министерствъ, пишетъ: «За высшими петербургскими сановниками слѣдовали генераль-губернаторы К. П. Кауфманъ, получившій 10 тысячъ десятинъ башкирской земли и оренбургскій Н. А. Крыжановскій—тоже 10 тысячъ десятинъ самой богатой и плодородной башкирской земли. За ними слѣдовалъ правитель канцеляріи генераль-губернатора А. Д. Холодковскій, получившій до 3-хъ тысячъ десятинъ самой лучшей пахотной башкирской земли, а за нимъ всѣ генералы, занимавшіе въ Оренбургскомъ краѣ должности начальниковъ отдѣльных частей. Генеральскіе участки по чинамъ генераль-майора и генераль-лейтенанта наръзывались въ размѣрѣ отъ 1 до 2 тысячъ десятинъ земли каждому»... Мой отецъ, бывшій въ то время оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска въ чинѣ генераль-майора, хотя и имѣлъ право получить землю, на самомъ дѣлѣ не получилъ не только тысячъ десятинъ, но ни одного аршина; считая самый проектъ раздачи башкирскихъ земель служащимъ края неправильнымъ, отказался отъ своего права на полученіе таковой. Далѣе г. Жакмонъ сообщаетъ: «Къ несчастію, генераль-губернаторъ Крыжановскій имѣлъ слабость героя грибоѣдовской комедіи Фамусова и могъ бы по справедливости сказать вмѣстѣ съ этимъ типичнымъ москвичемъ: «при мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки, все больше сестрины, свояченицы дѣтки». И въ самомъ дѣлѣ всѣ его адъютанты, чиновники особыхъ порученій и состоявшіе въ его распоряженіи по званію командующаго войсками военнаго округа и начальники отдѣльных частей были все люди, связанные съ нимъ узами крови и родства. Такъ, напримѣръ, родственникъ его полковникъ Боборыкинъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и занялъ постъ оренбургскаго военнаго губернатора и наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска. Постъ этотъ былъ очень почетный и выгодный; кромѣ большого оклада жалованья, присвоеннаго этому лицу, совмѣщавшему въ себѣ двойное представительство власти, Боборыкинъ занималъ въ казенномъ зданіи караванъ-сарая большую и роскошную квартиру въ 12 комнатъ при огромномъ садѣ съ оранжереями. Братъ жены генерала Боборыкина, подполковникъ Кашкинъ, занималъ должность адъютанта при генералѣ Крыжановскомъ по званію его командующаго войсками оренбургскаго военнаго округа. Но Боборыкину не посчастливилось на атаманскомъ посту. Къ нему нѣсколько разъ являлся съ просьбой объ опредѣленіи его на службу вольноопредѣляющимся г. Естихѣевъ. Боборыкинъ не хотѣлъ

принять его на службу, и вотъ, когда однажды онъ отказать ему въ его просьбѣ, Естихѣвъ въ припадкѣ отчаянія бросился на Боборыкина и ударилъ его два раза по лицу. Но другой день послѣ этого происшествія всѣ офицеры, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, облеклись въ мундиры и отправились къ атаману для выраженія ему сочувствія по поводу инцидента съ Естихѣвымъ. И по городу всюду говорили, что офицеры ѣздили поздравлять Боборыкина съ полученіемъ оплеухи». Относительно родства моего отца и моего покойнаго дяди, со стороны матери, А. С. Кашкина (скончавшагося лѣтъ 25-тъ тому назадъ въ Москвѣ военнымъ судьей), съ генераломъ Крыжановскимъ, я категорически утверждаю, что оно существуетъ лишь въ фантазіи г. Жакмона, ибо ни Боборыкины, ни Кашкины, ни въ близкихъ, ни въ дальнихъ степеняхъ свойства и родства съ Крыжановскими не состояли и не состоятъ. Что же касается до печальнаго инцидента съ Естихѣвымъ, то хотя онъ въ дѣйствительности и произошелъ съ моимъ отцемъ, но выставленъ опять-таки г. Жакмономъ въ неправильномъ освѣщеніи: въ отсутствіе генерала Крыжановскаго мой отецъ временно исполнялъ обязанности оренбургскаго генералъ-губернатора: принимая въ домѣ генералъ-губернатора просителей, онъ, къ своему большому удивленію, былъ оскорбленъ дѣйствіемъ однимъ изъ этихъ просителей Естихѣвымъ, котораго онъ ранѣе никогда въ жизни не видѣлъ и о существованіи котораго до сего случая понятія не имѣлъ. Изъ слѣдствія выяснилось, что какой-то полупомѣшанный Естихѣвъ явился на пріемъ просителей къ генералъ-губернатору Крыжановскому, желая нанести ему, Крыжановскому, оскорбленіе дѣйствіемъ за отклоненіе имъ, Крыжановскимъ, какой-то его просьбы и, не зная генерала Крыжановскаго въ лицо, равно какъ и моего отца, принявъ отца за генералъ-губернатора Крыжановскаго и набросился на него. Узнавъ свою ошибку, самъ Естихѣвъ умолялъ отца простить его. Государь императоръ Александръ II, получивъ, тотчасъ послѣ сего случая, прошеніе отца объ отставкѣ и узнавъ причину сей просьбы, лично телеграфировалъ моему отцу слова соболѣзнованія и просьбу его не оставлять службы. Вотъ почему, какъ пишетъ самъ г. Жакмонъ: «на другой день послѣ происшествія всѣ офицеры оренбургскаго казачьяго войска, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, облеклись въ мундиры и отправились къ атаману для выраженія ему сочувствія по поводу инцидента съ Естихѣвымъ»... Что же касается слѣдующей фразы г. Жакмона: «И по городу всюду говорили, что офицеры ѣздили поздравлять Боборыкина съ полученіемъ оплеухи...», то онъ также клеветаетъ на городъ Оренбургъ, какъ клеветаетъ и на покойнаго моего отца и если дѣйствительно допустить, что «по городу всюду говорили...», то ясно, что такъ могли говорить лишь ношлые и ничтожные люди. Кончаю свое письмо предложеніемъ г. П. П. Жакмону путемъ печати сознаться въ своей клеветѣ по отношенію всего имъ напечатаннаго въ своей статьѣ «Хищеніе башкирскихъ земель», въ части касательно моего покойнаго отца генерала-лейтенанта К. Н. Боборыкина, бывшаго еще лѣтъ семь, послѣ вышеизложеннаго случая, оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска, а затѣмъ 12-тъ лѣтъ орловскимъ губернаторомъ (съ 1876 по 1888 г.) и скончавшимся въ Москвѣ 5-го февраля 1904 г.,

и принести мнѣ, его сыну, извиненіе; въ противномъ же случаѣ г. Жакмонъ будетъ мною привлеченъ къ законной отвѣтственности.

Владимиръ Константиновичъ Воборыкинъ.

II.

По поводу статьи «Маланьина Свадьба».

Въ ноябрьской книгѣ Историческаго Вѣстника (за 1907 г.) помѣщена статья г. Мартемьянова подъ заглавіемъ «Маланьина свадьба». Въ ней разсматривается происхожденіе этого «крылатаго слова» и объясненіе его, даваемое авторомъ, противорѣчитъ тому, которое даютъ у насъ на Донѣ.

У насъ эта поговорка очень распространена, и всѣ, повторяя ее, убѣждены, что въ ней вспоминается свадьба знаменитой атамашки Маланьи Карповны Ефремовой, жены не менѣе знаменитаго атамана Степана Даниловича Ефремова. О личности этой атамашки память въ казакахъ еще до сихъ поръ жива, о ней и ея мужѣ сохранилось много народныхъ пѣсенъ, и поэтому для каждаго казака поговорка «наварили, напекли, — какъ на Маланьину свадьбу» — не является какимъ-нибудь ребусомъ, и каждый на вопросъ о томъ, о какой это Маланьѣ говорится, — скажетъ, что тутъ вспоминается про шумную и пышную свадьбу атамана Ефремова.

То же объясненіе этой поговорки, равно какъ и другой распространенной на Донѣ: «Вотъ тебѣ и тюкъ — на крюкъ, Маланья Карповна», — даетъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нашъ донской знатокъ родной старины А. А. Карасевъ (см. его статья: «Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ», «Историческій Вѣстникъ», 1902 г., сентябрь), гдѣ онъ рассказываетъ о самой личности этой знаменитой донской женщины и упоминаетъ и объ этихъ двухъ поговоркахъ.

Говоря обо всемъ этомъ, я не думаю вовсе опровергать мнѣніе г-на Мартемьянова и готовъ съ нимъ согласиться въ происхожденіи новой поговорки, но пишу только съ цѣлью сообщить, что на Донѣ распространено совершенно другое объясненіе и было бы очень интересно, если бы кто-нибудь изъ донскихъ знатоковъ старины, какъ уважаемый А. А. Карасевъ, согласился высказать объ этомъ свое мнѣніе.

Степанъ Ефремовъ.

